

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С.В. Жаворонков

независимый исследователь

В.В. Новиков

доцент, Алма-атинский Университет менеджмента (Алматы)

НОВЫЕ ПОПЫТКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПРИ НЕЛИБЕРАЛЬНОМ РЕЖИМЕ: ИЗ НОВЕЙШЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА

Аннотация. Власти, не боящейся выборов, зачастую намного проще проводить либеральные экономические реформы, чем демократически избранной. Успех реформ помогает расширить и консолидировать поддержку в обществе. Однако результаты этих реформ и гарантии, предоставленные частным собственникам, бизнесу, зачастую оказываются не слишком прочными в долгосрочной перспективе. Они далеко не всегда переживают смену правителя при династическом правлении, не говоря уже об иных вариантах смены власти. Насколько прочными и устойчивыми окажутся реформы, проводимые в Узбекистане и в Казахстане, покажет время. Однако многие из достигнутых результатов и ближайшие перспективы внушают осторожный оптимизм.

Ключевые слова: *экономические реформы, экономический рост, гарантии собственности, передача власти.*

JEL: D78, N15, N85, P26

УДК: 338.22

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_79_95

© С.В.Жаворонков, В.В. Новиков, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Жаворонков С.В., Новиков В.В.* Новые попытки экономической либерализации при нелиберальном режиме: из новейшей экономической истории Узбекистана и Казахстана // Вопросы теоретической экономики. 2024. №1. С. 79–95. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_79_95.

FOR CITATION: *Zhavoronkov S., Novikov V.* New Cases of Economic Liberalization under an Illiberal Regim: from Recent Economic History of Uzbekistan and Kazakhstan // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 1. Pp. 79–95. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_79_95.

Введение: истории экономических успехов нелиберальных режимов

В докапиталистическую эпоху сильные и предусмотрительные правители, бывало, предоставляли гарантии неприкосновенности личности и собственности предприимчивым и успешным субъектам. Такие люди нередко использовали новое убежище и, стекаясь под защиту правителя, обеспечивали быстрый рост городов, торговли, а значит, и доходов властей. Естественными ограничениями такого роста были наиболее успешные предприниматели, которые в лучшем случае лишались защиты: «Уйди от нас, ибо ты стал гораздо сильнее нас» (Бытие 26:15), а в худшем — имущества и жизни.

Другим естественным пределом защиты становилась сама жизнь автократа. При стабильном династическом правлении сын и внук монарха иногда принимали на себя обязательства сохранять «привилегии» [Lotter, 1989]. Однако нередко ослабление власти, которой всё хуже удавалось собирать налоги, вызывало острую потребность в наличных средствах. Немедленная угроза утраты власти неизбежно перевешивала соображения блага следующих поколений династии перед лицом опасности, которая грозила в ближайшие годы. Зачаточным видом современных форм защиты прав были гарантии монархов, данные достаточно широкому кругу лиц. К примеру, такими гарантиями горожанам, защищённым выкупленной или вырванной силой автономией, крепкими крепостными стенами и объединённым сильными коммерческими интересами, было Магдебургское право [Kish, 1949], не говоря уже о знаменитой Magna Carta.

Защитники современных автократий с удовольствием ссылаются на опыт Сингапура. В 1965 г. исключённое из Малайской Федерации город-государство столкнулось с тяжелейшими военно-политическими вызовами (давление со стороны и Малайзии и коммунистического Китая) и потеряло позицию финансового центра колоний Великобритании в Юго-Восточной Азии.

Сингапuru, однако, удалось успешно выйти на траекторию долгосрочного экономического роста. Секрет успеха состоял в отменной сдержанности властей. Они не спешили помогать бизнесу, взамен обкладывая его высокими налогами и обременительными регуляциями, как это было в те же 1960-е гг. в бывшей метрополии [Lee, 1998; Kwang, Fernandez, Tan, 1998]. Кроме того, до 1989 г. в стране существовала мощная и независимая судебная власть, которая венчалась Специальным судом палаты лордов в Лондоне [*Правовые системы стран...*, 2003] (т.е. на судей сингапурские правители никак повлиять не могли). В 1989 г. власти сочли, что период ученичества местных судей можно завершить. Катастрофы после отказа от такой гарантии не произошло, но темпы экономического роста стали снижаться. Однако это снижение произошло, вероятно, ещё и потому, что к концу 1980-х гг. Сингапур уже прочно вошёл в число наиболее высокоразвитых стран мира.

Другим примером экономически успешного авторитаризма — власти коммунистической партии при относительно либеральной рыночной экономике — стал Китай. Реформы, начатые Дэн Сяопином, обеспечили беспрецедентный в мировой экономической истории приток прямых иностранных инвестиций и превратили Китай в современный, расширенный вариант «мастерской мира». При этом он, в отличие от британского и американского прототипов, обходился без демократии и независимого суда.

Однако модель Дэн Сяопина предусматривала, по сути, некоторый аналог раннего сингапурского подхода и даже элементы политической конкуренции. Во-первых, с начала реформ десятилетиями в духе мудрых королей древности и средневековья иностранным инвесторам была гарантирована неприкосновенность как личности, так и собственности. Во-вторых, китайские бизнесы были защищены покровительством властей. Точнее, покровительством разных территориальных группировок внутри власти, представители которых, по установленной Дэн Сяопином процедуре ротации, сменяли друг друга на высших постах. Бизнесы, находящиеся под покровительством тех, кто, возможно, сменит

твою группировку у руля через несколько лет, трогать стало рискованно. К сожалению для инвесторов, система начала давать трещины уже к концу первого десятилетия XXI в. [Яновский, Маслов, 2009] и полностью рухнула с концентрацией власти в модели единоличного правителя в 2017 г. [Gueorguiev, 2018; Shirk, 2018; Gore, Yongnian, 2019]. Аресты иностранных предпринимателей, попытки заместить частные инвестиции государственными [Яновский, Маслов, 2009], свирепые в своей бессмысленности локдауны¹ [Yanovskiy, Socol, 2022], вызвавшие впервые после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь открытые массовые протесты², атака властей на развитую отрасль частного репетиторства³ [Palmer, 2021] сделали крах модели Дэн Сяопина очевидным для всех и привели к обвалу иностранных инвестиций⁴.

Судьба чилийских реформ при Аугусто Пиночете [Квасов, 1998; Friedman, Friedman, 1998] внушает немного больше оптимизма. Однако и эти реформы, не обладая легитимностью мер, одобренных избирателями, продержавшись одно поколение, стали постепенно подтачиваться популизмом. К сегодняшнему дню угроза их полного обвала выглядит вполне реальной.

Российские экономические реформы 1906–1911 гг. П.А.Столыпина при ограниченном самодержавии [Уильямс, 2009] ненадолго пережили своего инициатора. Они были отвергнуты сначала властью, которая с самого начала Первой мировой войны стала постепенно расширять и ужесточать антирыночные меры [Яновский, Жаворонков, 2016], а потом и обществом, сорвавшимся из демократической революции в тоталитарную.

Также необходимо подчеркнуть, что, несмотря на очевидные стимулы к защите частных инвесторов [Holcombe, Boudreaux, 2013], существуют и прямо противоположные тенденции — расширять поддержку режима в элите, отдавая бизнес на милость «ценным союзникам» [Svolik, 2009]. Как бы то ни было, среди диктаторов XX в. преобладали коррупционеры и любители перераспределительных программ, а не люди, подобные Дэн Сяопину, Ли Куан Ю и Аугусто Пиночету.

По всей видимости, для защиты прав собственности не изобретено ничего лучшего, чем ограничение власти политической конкуренцией. Конкуренция на свободных выборах при прозрачном подсчёте голосов, вкупе с разделением властей при независимой и беспристрастной судебной системе, в принципе могут обеспечить долгосрочную защиту как лично собственника, так и частной собственности [Shulgin, Yanovskiy, 2013; Yanovskiy, Ginker, 2017]. Существуют известные проблемы современной демократии как формы политической конкуренции на выборах. Среди них — неспособность балансировать доходы и расходы [Yanovskiy, Zhavoronkov, Rodionov, 2017], склонность к популизму, «забота» о потребителях, вкладчиках, акционерах, лояльных власти «меньшинствах» путем наращивания регуляторной нагрузки. Они почти неразрешимы, если не считать возвращения к демократии налогоплательщика [Yanovskiy, Zhavoronkov, 2018]. Попытки симулировать институты последней без их введения не дают долгосрочных и независимых от доброй воли правителей гарантий, необходимых для долгосрочного процветания страны.

¹ Durden T. Meanwhile In China, All Hell Is Breaking Loose. ZeroHedge. 14.04.22. meanwhile-china-all-hell-breaking-loose (access date: 01.12.2023).

² Anti-lockdown protests spread in China as anger rises over zero-Covid strategy. The Guardian. anti-lockdown-protests-spread-across-china-amid-growing-anger-at-zero-covid-strategy (access date: 01.12.2023).

³ Yang Yingzhi, Zhu Julie. EXCLUSIVE China planning new crackdown on private tutoring sector — sources. Reuters. 12.05.2021. exclusive-china-planning-new-crackdown-private-tutoring-sector-sources-2021-05-12 (access date: 01.12.2023).

⁴ China's first deficit in foreign investment signals West's 'de-risking' pressure. Reuters. 06.11.2023. <https://www.reuters.com/world/china/chinas-first-deficit-foreign-investment-signals-wests-de-risking-pressure-2023-11-06/> (access date: 01.12.2023). Phillips Matt. Foreign investment in China goes negative for first time in decades. Axios. <https://www.axios.com/2023/11/07/china-economy-negative-foreign-investments> (access date: 01.12.2023).

Либерализация в Узбекистане: успехи и проблемы

Политический контекст

После обретения независимости в декабре 1991 г. в Узбекистане довольно быстро сформировался авторитарный режим Президента Ислама Каримова, правившего страной до своей смерти в 2016 г. По конституции исполнять обязанности нового президента должен был спикер парламента Н. Юлдошев, но он объявил о своём отказе. Эта функция была возложена на Ш. Мирзиёева, который затем и был избран Президентом. Вскоре он консолидировал власть, получив контроль над силовыми структурами: глава Службы национальной безопасности Р. Иноятов был перемещён на малозначимую позицию советника президента, министр внутренних дел А. Ахметбаев был отправлен в отставку, генеральный прокурор Р. Кадиоров был осуждён, а состав Правительства существенно обновлён.

Здесь можно заметить, что существенные перестановки в силовых структурах, видимо, являются если не исчерпывающей, то обязательной частью процесса либерализации. Например, они так же имели место после обретения новым казахским Президентом К.-Ж. Токаевым всей полноты власти при подавлении антиправительственных выступлений в январе 2022 г. Глава Комитета национальной безопасности К. Масимов был арестован, а на посту его сменил Е. Сагимбаев, работавший в личной охране Токаева. Позже Масимов будет осуждён на 18 лет, его заместители А. Садыкулов — на 16 лет, Д. Ергожин — на 15 лет по тяжкой статье «государственная измена»⁵, М. Осипов — на три года. Племяннику бывшего президента С. Абишу, освобождённому от должности первого заместителя главы КНБ, долгое время обвинений не предъявлялось, однако недавно они были предъявлены по сравнительно лёгкой статье «превышение полномочий». Вскоре после января 2022 г., хотя и без предъявления обвинений, свои посты покинули также прокурор республики Г. Нурдаулетов и министр внутренних дел Е. Тургумбаев.

Устранение советских пережитков

Мирзиёеву досталась в наследство экономика, во многом напоминавшая советскую модель времён перестройки, где элементы рынка вроде частного предпринимательства соседствовали с плановыми требованиями к предприятиям, регулированием цен, произвольными налоговыми льготами. При этом свобода внешней торговли и конвертируемость валюты (сума) была ограничена. Мирзиёев, хотя и занимавший пост премьер-министра в последние 13 лет правления Каримова, видимо, не мог осуществлять реформы из-за политической позиции президента. При этом он, судя по вектору экономического развития после смерти первого президента, осознавал серьёзность ситуации. Отдельной проблемой стало ухудшение международного имиджа Узбекистана после подавления массовых волнений в Ферганской долине в 2005 г. (известные как «события в Андижане», хотя они охватывали не только этот город) с многочисленными жертвами. На некоторое время против Узбекистана были введены санкции, узбекские власти ответили *de facto* конфискацией части собственности западных компаний (например, доли корпорации Newmont, создавшей совместное предприятие «Зарифшан-Newmont» по добыче золота)⁶. Основные санкции через некоторое время были отменены, но они оставили свой след в виде взаимного недоверия. Отдельная проблема — конфликтные отношения с соседями, препятствующие экономическому развитию. Прежде всего речь идёт о Таджикистане. В 1998 г. в граничащей с Узбекистаном Согдийской области (областной центр — город Худжанд) Таджикистана, где проживает немало этнических узбеков, произошёл крупный мятеж отряда полковника

⁵ Очевидно, что речь шла о их роли в протестах января 2022 г.

⁶ В Узбекистане обанкротили американских золотодобытчиков. Lenta.ru. 02.10.2006. <https://lenta.ru/news/2006/10/02/bankrupt/> (дата обращения: 01.12.2023).

Худойбердиева, также этнического узбека. Мятеж был подавлен, но таджикские власти обвинили власти Узбекистана в его поддержке. Между странами был введён визовый режим, прервано авиационное и автомобильное сообщение. Кроме того, узбекская сторона обвиняла таджикскую в том, что та искусственно блокирует течение рек Амударья и Сырдарья, берущих начало в горах Таджикистана, и этим наносит серьёзный ущерб сельскому хозяйству республики. Проблематичны были и отношения с Кыргызстаном. Не удавалось договориться о демаркации границы. Кроме того, узбекская сторона обвиняла киргизскую в преследованиях узбекского меньшинства на юге Кыргызстана, в Ошской области, где оно составляет до 30% населения. Особенно обострилась эта проблема после межнациональных столкновений в 2010 г. с многочисленными жертвами. Не особо благоприятными были и отношения с Туркменистаном. В 2002 г. туркменские власти провели обыск в посольстве Узбекистана, предполагая, что там укрылся оппозиционер Б. Шихмурадов. Его не нашли, но возник дипломатический скандал, много лет отравлявший межгосударственные отношения.

При новом Президенте Узбекистана связи с соседями были налажены довольно быстро. В 2017 г. возобновилось авиасообщение между Узбекистаном и Таджикистаном (после перерыва в 25 лет). В 2018 г. состоялись визиты глав государств друг к другу, страны договорились об отмене визового режима. В 2022 г. была завершена демаркация границы между Узбекистаном и Кыргызстаном. Торговый оборот с Туркменией за 6 лет увеличился в пять раз⁷, с Кыргызстаном в восемь раз⁸, а с Таджикистаном — в целых тридцать семь раз (!)⁹.

В 2017 г. был произведён переход к конвертируемости сума путём отказа от множественных курсов валюты (для населения, для экспортёров, для импортёров, наличный/безналичный и т.п.). В 2019 г. было отменено регулирование цен на хлеб и муку, в 2020 г. — на нефтепродукты. Впрочем, регулирование цен остаётся, кроме услуг и товаров монополий, ещё и на хлопок, зерно, спирт, удобрения.

В 2018 г. в стране возобновил работу ЕБРР, ушедший из страны в 2005 г. Были снижены таможенные пошлины — с 15,3% в 2017 г. до 5,6% (в среднем)¹⁰. В сентябре 2020 г. Узбекистан начал переговоры о вступлении в ВТО, что актуально, учитывая существенную долю экспорта в экономике. С 2018 г. Узбекистан стал публиковать данные о внешнем долге.

Новая приватизация

Долгое время Узбекистан оставался страной с огромным государственным сектором. Это связано с тем, что в 1990-е гг. правительство приняло решение провести приватизацию только малых и средних предприятий. В результате крупная частная собственность была представлена только предприятиями, созданными с нуля иностранными и местными инвесторами¹¹. Прежнее правительство практиковало создание так называемых «совместных предприятий», где правительство получало долю в 50% фактически просто за выдачу

⁷ Туркменистан и Узбекистан нарастили товарооборот в 5 раз с 2017 года. Orient news. 01.09.2023. <https://orient.tm/ru/old/post/59340/turkmenistan-i-uzbekistan-narastili-tovarooborot-v-5-raz-s-2017-goda> (дата обращения: 01.12.2023).

⁸ Кыргызстан и Узбекистан планируют довести товарооборот до \$2 млрд. TRT на русском. 18.08.2023. <https://www.trtrussian.com/novosti/kyrgyzstan-i-uzbekistan-planiruyut-dovesti-tovarooborot-do-dollar2-mlrd-14530015> (дата обращения: 01.12.2023).

⁹ Бобоходжиев М. За шесть лет товарооборот Таджикистана и Узбекистана увеличился в 37 раз. Asia-Plus. 27.05.2022. <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20220527/za-shest-let-tovarooborot-tadzhikistana-i-uzbekistana-velichilsya-v-37-raz> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁰ Средняя таможенная пошлина и совокупная ставка таможенных платежей в Узбекистане намного меньше, чем у других стран СНГ – ГТК. Podrobno.uz. 02.07.2019. <https://podrobno.uz/cat/economic/srednyaya-tamozhennaya-poshlina-i/> (дата обращения: 01.12.2023).

¹¹ Подробно о приватизации в Узбекистане см., например Домбровский М., Яновский М. и др. Постсоветская и мировая модернизация: итоги тридцати лет. <https://www.academia.edu/72300573/>. (дата обращения: 01.12.2023).

разрешения на работу. Так были созданы табачный холдинг UzBAT (с British-American tobacco), Coca-cola Uzbekistan, газохимический комбинат Uz-Kor Gas Chemical (совместно с корейскими инвесторами) и Ташкентский металлургический завод (нидерландский инвестор Metallurgical Technology and Engineering, впоследствии доля продана российскому «Металлоинвесту»). Впрочем, сейчас UzBAT на 97% принадлежит British-American tobacco: начиная с 1990-х гг. государство постепенно продавало второму акционеру свои акции. Значительно присутствие государства в банковском секторе: 13 из 32 существующих в стране банков — государственные. При этом они владеют 85% всех активов сектора и 88% всех кредитов¹².

Приватизация затронула и некоторые крупные предприятия. В 2020 г. был приватизирован винодельческий холдинг Shohrud (покупателями стали местные инвесторы) и «Кызылкумцемент» (покупателями стал международный холдинг United Cement Group). В 2023 г. контрольный пакет «Ферганаазот» НПЗ был продан Indorama Corporation. Использовалась также такая схема, как передача государственных предприятий в доверительное управление. Были переданы шесть предприятий — Ново-Ангренская и Ангренская ТЭС, «Узбекуголь», Ферганский НПЗ, Ташкентский зоопарк и «Аммофос-Максам». Предприятия передавались в доверительное управление сроками на три-пять лет, в течение которых управляющий получал прибыль предприятия, но был обязан также инвестировать в модернизацию производства. В случае, если этот опыт будет признан государством успешным, возможно продление управления на более длительный срок. Эти действия происходили в соответствии с утверждённым в 2020 г. Президентом планом действий по реформированию госпредприятий. Он предусматривал сохранение 71 стратегического предприятия в государственной собственности, приватизацию около 600 других госпредприятий и реструктуризацию ещё 500 государственных предприятий с целью последующей приватизации. Остальные госпредприятия предполагается преобразовать в государственные учреждения или ликвидировать. Однако этот план продвигается весьма медленно, встречая понятное сопротивление нынешнего государственного менеджмента, выдвигающего типичные возражения против приватизации — необходимость аудита, необходимость повышения капитализации и т.п. В результате, по итогам 2022 г. объём активов госпредприятий снизился за год на 7%. Но всё равно на 56 крупных госпредприятий приходится 85,5% объёма активов¹³.

Похожие проблемы есть и в Казахстане. Казахские власти регулярно ставят задачи приватизации Air Astana, которую планировалось приватизировать сначала в 2016 г., затем каждый год подряд (исключая 2021 г.), но всё остаётся по-прежнему. Хотя в целом из-за приватизации основных активов нефтедобывающего сектора доля государства в экономике намного меньше¹⁴.

Если говорить о привлечении иностранных инвестиций, то необходимо упомянуть, что в 2020 г. был принят закон о «свободных экономических зонах» (СЭЗ), которых в настоящее время насчитывается 20. Самой крупной из них является СЭЗ «Навои», привлекающая индийский, китайский и корейский бизнес. Их суть состоит в предоставлении инвесторам таможенных льгот. Минимальный размер инвестиций (от 300 тыс. долл. до 3 млн долл.) даёт участнику СЭЗ трёхлетние льготы, самые крупные — до 10 лет — предоставляются при инвестициях свыше 10 млн. долл. Инвестор освобождается от таможенных пошлин на ввозимое оборудование (при отсутствии узбекских аналогов), сырьё (при условии экспорта

¹² Оценка переходного процесса в Узбекистане // Мировой банк. 2021 г. С. 191. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/134461637234506409/pdf/Full-Report.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

¹³ Названы самые прибыльные и убыточные компании Узбекистана с госдолей в 2022 году. Газета.uz. 09.08.2023. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/08/09/profit-and-loss/> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁴ Комплексный страновой обзор Казахстана // OECD. Р. 3. https://www.oecd.org/dev/MDCR_Phase-I_Brochure_RUS_web.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

продукции), даётся отсрочка уплаты НДС на 120 дней¹⁵. В 2019 г., по примеру Казахстана, речь шла о возможности функционирования в СЭЗ, как минимум в «Навои», английского права, однако в дальнейшем эта идея была отклонена. Действующие льготы, значительно меньшие, чем аналогичные в Казахстане и даже в России. Несмотря на определённый рост доходов, значимым инструментом привлечения инвестиций они пока не стали. Зато Узбекистан привлекает к разведке, освоению и эксплуатации газовых месторождений иностранных инвесторов — Лукойл, Газпром, CNPC, Total, Новатэк. Последним таким крупным инвестором (при запланированных 2 млрд долл.) стала американская корпорация Epsilon, занимающаяся трудноизвлекаемыми запасами.

Снижение налогов, рост государственных расходов и долга

Начиная с 2016 г. государство очень существенно снизило налоги. С 2017 г. были снижены и унифицированы ставки налога на доходы физических лиц (НДФЛ): нулевая — для самых бедных, минимальная — 7,5%, средняя — 17%, максимальная — 23%. В 2019 г. Узбекистан перешёл к плоской шкале подоходного налога в 12%. Налог на добавленную стоимость в 2019 г. был снижен с 20 до 15%, а в 2023 г. — до 12% с одновременной отменой непрозрачных льгот по НДС. Также с двух месяцев до одного сокращён срок проверки для возмещения экспортного НДС. Социальный налог снижен с 22 до 12% (для государственных предприятий — 25%). С 1 ноября 2022 г. предпринята сильная мера по стимулированию экспорта — прибыль от экспортных операций теперь не облагается налогом, независимо от её доли в общей прибыли предприятия. Налог на имущество был снижен с 5 до 2%, налог на дивиденды — с 10 до 5%. Налог на прибыль менялся в разные стороны. В 2016 г. в этой сфере действовало много шкал — от 7,5 до 35%. В 2017 г. их число сильно сократилось, основная ставка составила 15,5%. В 2018 г. она была снижена до 14%, в 2019 г. — до 12%, но с 2020 г. повышена до 15% для большинства предприятий (повышенная ставка в 20% действует для банков, операторов мобильной связи, производителей цемента и некоторых других категорий, пониженная — в 7,5% для ИТ-сектора)¹⁶. Для сравнения, в Казахстане подоходный налог также плоский, но чуть ниже — он составляет 10% (обсуждается возможное введение прогрессивной ставки после вступления в силу нового Налогового кодекса с 2025 г.). НДС такой же — 12%, социальный налог чуть ниже — 9,5% (но с 2025 г. планируется его повысить до 11%), зато выше налог на прибыль — 20%. То есть Казахстан идёт в сторону некоторого увеличения налогов, в то время как Узбекистан продолжает их снижать.

Смысл реформ, в основном завершённых с вступлением в силу нового Налогового кодекса с 1 января 2020 г., заключался в снижении и унификации налоговой нагрузки, минимизации налоговых льгот и совершенствовании процедур налогового администрирования. Как часто бывает на постсоветском пространстве, несмотря на снижение налоговых ставок, налоговая реформа значительно улучшила соблюдение налогового законодательства, поступления в госбюджет возросли.

Государственные расходы Узбекистана значительно выше, чем у большинства похожих на него стран. Консолидированные государственные расходы сокращаются, начиная с 2020 г, когда они достигали 35,2% ВВП. В 2022 г. эта цифра уменьшилась до 33,3% ВВП, но всё же эти расходы выше, чем до реформ, примерно на 3% ВВП. Тут сказались повышение заработной платы бюджетникам в образовании и здравоохранении, но также и необходимость борьбы с пандемией COVID-19.

¹⁵ NAVOI FREE ECONOMIC ZONE. <https://www.feznavoi.uz/ru/menu/lgoty-po-nalogam-i-tamozhennym-platezham> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁶ Оценка переходного процесса в Узбекистане // Мировой банк. 2021. С. 108-112 URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/134461637234506409/pdf/Full-Report.pdf> (дата обращения 1.12.2023).

Реформы и увеличение государственных расходов сопровождалось существенным ростом внешнего долга. С 2017 г. государственный и гарантированный государством внешний долг вырос в три раза — с 12,6 ВВП до 36,4% ВВП (29,2 млрд долл.)¹⁷. Это примерно столько же, сколько в Таджикистане (34,6% ВВП). У богатого природными ресурсами Казахстана долг ниже — 24,9% ВВП, в Кыргызстане выше — 52,3%¹⁸.

Отдельно надо сказать о ситуации в сельском хозяйстве. Это самый крупный сектор экономики: в нём производится треть ВВП, а трудятся около 25% занятых. Самым крупным сектором отрасли было производство хлопка. Начиная с советских времён (и после 1991 г.), этот сектор в значительной мере использовал принудительный труд — на уборку хлопка мобилизовывались бюджетники, работники госсектора, военнослужащие, заключённые и даже дети. Существовала система монополии: весь хлопок, производимый в стране, передавался государству, все площади для выращивания хлопка выполняли годовые показатели по объёмам производства, оформленные как государственный заказ. Причём зачастую этот заказ был обременительным, потому что цены на хлопок, сдаваемый государству, были далеки от рыночных. Невыполняющий же госзаказ рисковал потерять землю. В 2019 г. закупочные цены на пшеницу и хлопок для предприятий и фермеров приблизились к рыночным. В 2020 г. государство отменило систему государственного заказа на хлопок. Это стимулировало выращивание плодов и овощей, часто являющегося для крестьян более выгодным, чем выращивание хлопка. Острота проблемы принудительного труда существенно снизилась. Также начал создаваться рынок земли, частной собственности на которую ранее не существовало — она находилась в аренде. В 2020 г. началась приватизация земель несельскохозяйственного назначения. Однако речь о главном, т.е. приватизации земель сельскохозяйственного назначения — пока не идёт, а значит, инвестиции в сельское хозяйство по-прежнему ограничены: земля не может выступать в качестве залога для привлечения кредитов и не может быть перепродана более успешному инвестору¹⁹.

Существенной проблемой Узбекистана было сохранение системы прописки, близкой советской. Без неё оказывалось невозможным получить услуги образования или здравоохранения, нельзя было официально устроиться на работу. К настоящему времени большую часть этих ограничений сняли, но они остаются в самой богатой Ташкентской области, хотя и там прописаться стало значительно проще.

20 декабря 2022 г. в ежегодном послании парламенту Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев рассказал о планах правительства на 2023 г.²⁰. Были озвучены шесть приоритетных направлений деятельности властей на текущий год, включая:

- 1) реформирование системы государственного управления;
- 2) дальнейшее строительство «социального государства»;
- 3) определение защиты прав и свобод человека в качестве конституционного обязательства государства;
- 4) усиление охраны природных ресурсов, включая водные и земельные ресурсы;
- 5) улучшение делового климата за счёт внедрения механизмов свободного рынка, обеспечения здоровой конкуренции и неприкосновенности частной собственности, а также поддержки предпринимательства;

¹⁷ Госдолг Узбекистана составил \$29,2 млрд по итогам 2022 года. Газета.uz. 17.08.2023. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/08/17/gov-debt/> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁸ Государственный долг Казахстана: Итоги 2022. Jusan Analytics. 26.04.2023. <https://jusan.kz/analytics/opinion/gosudarstvennyu-dolg-kazahstana-itogi-2022> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁹ Оценка переходного процесса в Узбекистане // Мировой банк. 2021 С. 171–175. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/134461637234506409/pdf/Full-Report.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

²⁰ SPUTNIK Узбекистан. https://Uz.Sputniknews.Ru/Poslanie_Mirziyoev_Olij_Mazhlis/ (дата обращения: 01.12.2023).

б) привлечение инвестиций и приватизация крупнейших государственных предприятий и банков.

Однако несмотря на правильность большей части этих тезисов (за исключением, возможно, второго), предстоит ещё немало работы. И не всё в республике происходит гладко. Так, в декабре 2022 г. — январе 2023 г. Узбекистан столкнулся с масштабными сложностями с поставками природного газа и электроэнергии во всех регионах. Газа недостаточно, его добыча снижается от года к году. Газ приходится импортировать. Хотя «Узбекнефтегаз» — основное добывающее предприятие — и является прибыльным, его инвестиционные возможности ограничены, а смежные предприятия — газотранспортный «Узтрансгаз» и «Региональные электрические сети» — убыточны, как и многие ТЭЦ. В сфере привлечения инвестиций имидж Узбекистана портит свежий конфликт испанской корпорации Махат и государственного предприятия «Узхимпром», создавших в 2007 г. два совместных предприятия по производству аммофоса и иных удобрений. Обвинив инвестора в невыполнении обязательств, его долю снизили. Теперь разбирательство по этому поводу идёт в Высоком суде Лондона.

Политические реформы или?

В июле 2022 г. вспыхнули беспорядки в Каракалпакии — автономной области в составе Узбекистана, большинство населения которой составляют не узбеки, а каракалпаки — тоже тюркоязычный, но отдельный народ. По официальным данным, 21 человек погиб, 274 пострадало — реально жертв, видимо, больше. Это опровергло стереотип о том, что власти полностью контролируют ситуацию. Причиной была попытка изменить конституционный статус Каракалпакии. В годы перестройки многие ставили вопрос о её суверенитете, но в итоге был принят статус автономии с правом выхода из состава Узбекистана по итогам референдума. В опубликованном летом 2022 г. новом проекте Конституции Узбекистана пункт о возможности сепарации вычеркнули. Однако после беспорядков вновь вернули.

Тут мы переходим к непростому вопросу о политическом развитии Узбекистана, который при предыдущем президенте считался деспотией. Изменения, произошедшие за это время, невелики. В Узбекистане по-прежнему нет оппозиционных партий. Кроме правящей Либерально-демократической партии остальные официальные партии являются техническими, спойлерами. Попытки зарегистрировать новые движения предпринимались, но успеха не имели. Выборы носят формальный характер. Так, референдум о принятии новой Конституции 30 апреля 2023 г. принес малореалистичный результат в 90,2% голосов «за», а выборы 9 июля 2023 г. дали почти такой же результат Ш. Мирзиёева — 87%. Его «соперниками» были бывшие и действующие чиновники, фактически выступавшие в поддержку Мирзиёева, получившие предсказуемые результаты: действующий первый зампред Верховного Суда Р. Махмудова (4,4%), бывший министр образования У. Иноятов (4%) и бывший руководитель государственного Научно-исследовательского института лесного хозяйства А. Хамзаев (3,7%). Более того, если ранее Конституция предусматривала ограничение полномочий президента двумя сроками по пять лет, то теперь срок увеличен до семи, а Конституционный суд постановил, что он должен отсчитываться с момента первых выборов по новой Конституции (т.е. фактически «обнулив» два предыдущих срока). Правда, надо сказать, что Мирзиёев осуществил целый ряд амнистий, в том числе по политическим статьям. На свободу вышли тысячи заключённых, а количество таких уголовных дел, по оценкам правозащитников, снизилось. Была закрыта пользовавшаяся самой дурной славой тюрьма «Жаслык». Для сравнения: в Казахстане после января 2022 г. процесс либерализации продвинулся существенно больше. Участники январских событий, не совершившие тяжких преступлений, были амнистированы. Также была принята новая Конституция, однако срок полномочий президента не только не был увеличен до семи лет, но и установлено, что один человек может быть избран лишь единожды. Назначение

руководителей регионов глава государства теперь обязан согласовывать с парламентами. Упразднены особые полномочия Н. Назарбаева, ранее предусмотренные Конституцией (пожизненное руководство Советом Безопасности и т.п.). Также принят важный для восточных стран п.4 ст. 48 — о запрете занятия близкими родственниками президента государственных должностей и постов в квазигосударственном секторе. Статья не декларативная — племянник президента Токаева Т. Избастин после этого покинул пост посла в Болгарии. В ходе проведённых в 2022 г. досрочных парламентских выборов — по новой Конституции — президентская партия «Аманат» снизила результат по партийным спискам с 76% в 2021 г. до 53,9%, что несомненно более реалистично; кроме того, в парламент Казахстана прошла умеренно оппозиционная социал-демократическая партия (5,2%), которая в прошлом созыве представлена не была.

В 2019 г. журнал *The Economist* назвал Узбекистан «страной года», отметив существенную либерализацию его порядков²¹. Действительно, экономическая либерализация дала неплохие результаты. Экономический рост составил в 2017 г. 4,4%, в 2018 г. — 5,4, в 2019 г. — 5,7, в 2020 г. — 1,9% (напомним, это был год Covid-19). В 2021 г. рост продолжился — 7,4%, в 2022 г. — 5,7%; прогноз Международного валютного фонда на 2023 г. — 5,3% и 5,5% на 2024 г.²². Однако не надо забывать, что речь идёт об очень низком стартовом уровне — по итогам 2022 г. душевой ВВП Узбекистана составляет 2,1 тыс. долл. Думается, правительству следовало бы ускорить приватизацию государственной собственности в экономике. Что касается политической сферы, то тут речь идёт скорее о либерализации правоприменительной практики, нежели законодательства. Сделанное в отношении законодательства уже неплохо, хотя этого и недостаточно.

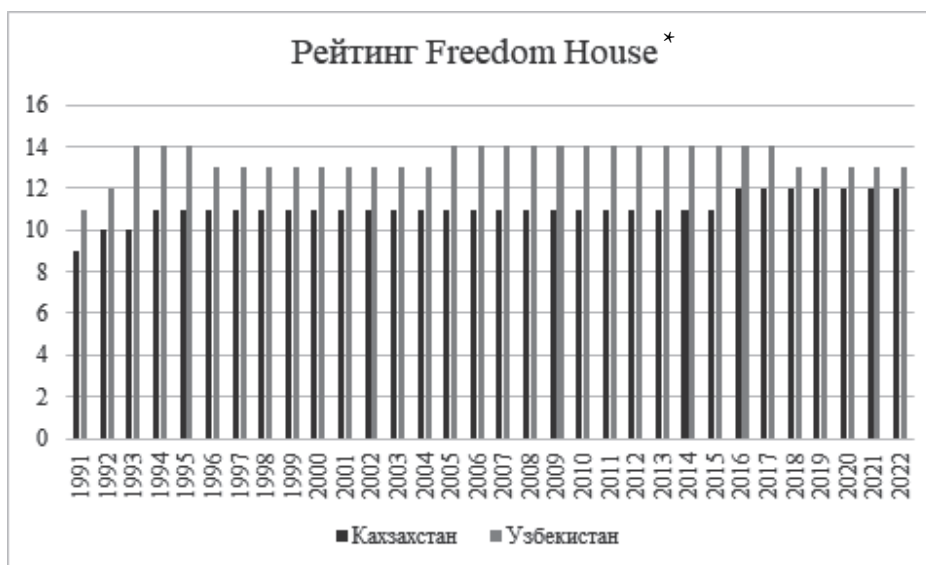

Рис. 1. Политические и гражданские свободы в Казахстане и Узбекистане по оценке Freedom House*.

Индикатор на рис. 1 представляет сумму рейтингов «политические права» (от 1 — максимальное значение для свободной страны до 7 — наихудшая оценка для наименее свободной) и гражданские свободы (аналогично от 1 до 7). Большую часть периода независимости у Казахстана оценка политических прав на уровне «6» и гражданских свобод на уровне «5», с ухудшением до 7 политических прав начиная с 2016 г. Узбекистан немного

²¹ *The Economist*. <https://www.economist.com/leaders/2019/12/21/which-nation-improved-the-most-in-2019> (access date: 01.12.2023).

²² См. статистику в базе данных Международного валютного фонда: IMF. <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/CAQ> (access date: 01.12.2023).

улучшил (с 7 до 6) показатель гражданских свобод при неизменно низшей (7) оценке политических прав. Интегральная бинарная оценка самого Freedom House* — свободная / несвободная страна относит обе страны в настоящее время к несвободным. Узбекистан перешёл из категории «частично свободных» в «несвободные» с выходом из СССР (1992), Казахстан — после выборов 1994 г.

Казахстан: от экстенсивного к интенсивному росту

Основания для новых надежд

На текущий момент Казахстан выступает ключевым игроком на постсоветской арене, уступая лидерство лишь России — исключая, разумеется, страны Балтии. Согласно базе данных World Economic Outlook на апрель 2023 г., ВВП на душу населения в Казахстане на 15% ниже российского. Однако в плане экономической свободы ситуация обстоит иначе: по данным рейтинга Fraser Institute за 2023 г., Казахстан занимает 58-е место, в то время как Россия — лишь 104-е.

Что касается прямых иностранных инвестиций на душу населения, то здесь Казахстан опережает все постсоветские страны, кроме стран Балтии, и втрое превосходит Россию, согласно данным UNCTAD. В последнем рейтинге Doing Business за 2020 г. Казахстан (25-е место) располагается выше России (28-е место), занимая позицию между Исландией и Ирландией.

Для дальнейшего привлечения инвестиций Казахстан внедрил инновационный для региона институт — МФЦА с судебной системой по английскому праву и иностранными судьями. Это предоставляет инвесторам дополнительные гарантии в защите их прав. К тому же страна предлагает заключение долгосрочных инвестиционных контрактов с фиксированными условиями на период до 25 лет.

В 2022 г. президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в своём послании нации представил концепцию «Новый Казахстан». Этот стратегический план предусматривает либерализацию экономики и усиление конкурентной среды. Президент выразил решимость искоренить искусственные монополии в экономической и политической жизни страны, причём «навсегда»

В 2023 г. правительство продолжило эту линию, приняв среднесрочную программу, которая закрепляет «новую экономическую политику». Основной акцент сделан на максимизации предпринимательской свободы. Цель нового курса — обеспечение «устойчивого, качественного и инклюзивного экономического роста». В частности, страна планирует выйти из так называемой «ловушки среднего дохода» и пересечь порог, разделяющий страны с доходами выше среднего и страны с высокими доходами.

Сегодня по показателям ВВП на душу населения Казахстан находится примерно на одном уровне с Россией, Китаем и Болгарией — наименее обеспеченной страной ЕС. Однако амбиции у страны высоки: в перспективе Казахстан стремится приблизиться к текущим показателям Панамы и Румынии, что подразумевает увеличение ВВП в 1,5 раза. Для достижения этой цели необходим ежегодный рост ВВП на душу населения на уровне не менее 4%. Подобные темпы, согласно данным Всемирного банка, были зафиксированы в Казахстане последний раз десять лет назад.

Возможности экономического роста

В официальном Прогнозе социально-экономического развития Казахстана на 2024–2028 гг. артикулированы амбициозные цели: реальный ВВП в 2024 г. планируется увели-

* Freedom House, Inc. («Фридом Хаус») (США) признана нежелательной организацией в России

чить на 5,3%, а ВВП на душу населения в долларовом эквиваленте — на 9,5%²⁴. В то время как Всемирный банк предполагает более умеренный рост ВВП — всего 4%²⁵. При этом, учитывая ожидаемый рост населения на 1,3%, душевой рост ВВП будет ещё менее значимым. (Для контекста: в 2022 г., согласно данным Всемирного банка, рост ВВП Казахстана составил 3,2%, а с учётом роста населения на 3,22% душевой ВВП даже снизился на 0,07%)²⁶.

Возникает вопрос: насколько реалистичны поставленные цели? На текущий момент инструментарий для их достижения кажется недостаточным. Учитывая межведомственный характер и стратегическую значимость поставленных задач, логично было бы ожидать создание национального проекта или ряда проектов для их реализации. Однако существующие на данный момент национальные проекты обеспечивают реализацию лишь текущих показателей в плане как экстенсивных, так и интенсивных факторов развития.

Экстенсивные факторы роста

Для начала обратим внимание на экстенсивные факторы экономического роста. Одним из ключевых инструментов увеличения инвестиций является интеграция в мировые капитальные рынки. Однако анализ данных UNCTAD по прямым иностранным инвестициям (FDI) указывает на снижение интереса иностранных инвесторов к Казахстану, особенно по сравнению с более благоприятными периодами, которые к тому же далеки во времени. Конкретнее, в 2022 г. объём FDI составил 6,1 млрд долл. США, что более чем в два раза меньше пикового значения в 14,3 млрд долл., достигнутого ещё в 2008 г.²⁷. Стоит отметить, что после 2016 г. FDI не поднимались даже до уровня, достигающего лишь половину от этого пикового показателя (рис.2).

Рис. 2. Доля Казахстана и Узбекистана в прямых иностранных инвестициях в Центральной Азии.

Источник: расчёты авторов на основе данных UNCTAD.

Притом FDI в Узбекистан растут как в абсолютном значении, так и в процентном к инвестициям в Центральной Азии. Если же на Казахстане в 2001 г. приходился 91% FDI в регион, то в 2022 г. эта доля составила 61%, а в 2019 г. опускалась даже до 40% (рис. 2).

Что может стоять за этой динамикой? В статье 2022 г., опубликованной Вестником Туранского университета [Азретбергенова, Сыздыкова, Кенжегалиева, Есенали, 2022] выде-

²⁴ Министерство национальной экономики Республики Казахстан. <https://www.gov.kz/memleket/entities/escopomy/documents/details/516751?lang=ru> (дата обращения: 01.12.2023).

²⁵ Мировой банк. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099315504242342241/idu0ab05d6c00342d0428509e0e0f608e6f89ef8> (access date: 01.12.2023).

²⁶ Мировой банк. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (access date: 01.12.2023).

²⁷ UNCTAD. <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2023> (access date: 01.12.2023).

лены ключевые факторы, влияющие на текущий уровень FDI: объём FDI в предыдущем периоде, ВВП как индикатор экономического роста, реальный эффективный обменный курс и переменные макроэкономической стабильности. В другой исследовательской работе 2020 г. «The Determinants of Foreign Direct Investment in Central Asian Region» [Ashurov, Othman, Rosman, Haron, 2020] к этому списку добавляются численность рабочей силы, уровень открытости торговли и налоговая нагрузка.

Важно подчеркнуть, что провозглашенная Касым-Жомартом Токаевым новая среднесрочная экономическая политика Казахстана предполагает снижение зависимости от сырьевых отраслей и фокусировку на массовом предпринимательстве и частном секторе как движущих силах роста. Именно эти направления должны стать основой «нового принципа максимальной свободы предпринимательства».

В контексте среднесрочных стратегических задач Казахстана выделяются два ключевых национальных проекта: «Национальный проект по развитию предпринимательства на 2021–2025 гг.» и «Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев». Первый проект акцентирует внимание на так называемом «массовом предпринимательстве». Однако критерий массовости уже был реализован: доля малого и среднего предпринимательства в ВВП страны составляет 35%. В отношении экономической свободы данный проект не предлагает явных метрик или целей. Вместо этого он делает упор на «честную конкуренцию и свободу предпринимательства», что не добавляет конкретики и совпадает с общими положениями новой среднесрочной программы правительства.

Второй проект, в свою очередь, фокусируется на диверсификации экономики. Несмотря на его кажущуюся значимость (бюджет в 15,9 трлн тенге), государственное финансирование составляет всего 400 млн тенге, или менее 1 млн долл., за пять лет. Остающаяся часть — неконкретизированные внебюджетные средства, которые могут и не быть получены или которые частники, вероятно, потратили бы на цели, не связанные с национальным проектом.

Из указанных 400 млн государственных расходов примерно 250 млн приходятся на «увеличение объёмов производства и расширение номенклатуры товаров обрабатывающей промышленности». Из 12 соответствующих этому мероприятий самыми крупными являются лизинговое финансирование оборудования для производства главных передач ведущих мостов грузовой техники, для производства шин в Карагандинской области, а также предоставление лизингового финансирования для покупки автобусов. Сложно предполагать, что именно эти меры обеспечат необходимый приток инвестиций и экономический рост. Для ускорения экстенсивного экономического роста нужны национальные проекты с другим содержанием, которые конкретизировали бы среднесрочные планы правительства.

Интенсивные факторы роста

В то же время экономический рост обеспечивают не только экстенсивные факторы вроде увеличения труда или капитала, но и интенсивный фактор, инновации в широком смысле. Как можно увидеть из обзорной работы У. Истерли и Р. Левина «It's Not Factor Accumulation: Stylized Facts and Growth Models» [Easterley, Levine, 2002. Pp. 61–114], в таких странах ОЭСР, как Германия, Италия или Великобритания, на протяжении трёх десятилетий на совокупную факторную производительность, которая как раз обозначает инновации в широком смысле, приходилось около половины вклада в экономический рост. При этом и в других странах этот компонент показывал высокую значимость. Таким образом, важен не только инвестиционный, но и инновационный климат.

Наиболее тесно связан с задачей инновационного развития национальный проект «Технологический рывок за счёт цифровизации, науки и инноваций». Основная часть

(53% бюджетных расходов в рамках данного проекта) приходится на задачу «Рост вклада науки в развитие страны». Ещё 10% расходов приходится на «развитие инноваций в бизнесе». Насколько успешен этот проект? Заявляя масштабные цели, он их, очевидно, не достигает. Скажем, доля ИКТ в ВВП по итогам 2022 г. должна была составить 4%, тогда как фактически — 2,2%. Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, в том же году снизилась с 22,7 тыс. до 22,5 тыс., тогда как должна была вырасти до 27,2 тыс. человек. Доля инновационно активных предприятий по плану должна была достигнуть 15%, тогда как фактически по данным 2022 г. — 11%²⁸.

В то же время реальные результаты Казахстана в инновационном развитии по мировым меркам вовсе не малы. Как показывает в своей работе «Economic Growth and Productivity Performance in Central Asia» (2022) доцент Университета Центральной Азии М. Ёрмирзоев [Yormirzoev, 2022], совокупная факторная производительность в Казахстане в 2010–2017 гг. росла на 2,2% в год, тогда как в развитых странах этот показатель обычно менее 1%. В то же время, по данным Ёрмирзоева, этот показатель оказался самым низким среди стран Центральной Азии: 2,4% — в Кыргызстане, 5,5 — в Таджикистане, 4,3 — в Туркменистане, 3,5% — в Узбекистане. Эпоха быстрого роста производительности (2000–2009 гг.), когда показатель в Казахстане рос на 5,8% в год, прошла.

Таким образом, и здесь видна «ловушка среднего уровня дохода». Причём национальный проект «Технологический рывок за счёт цифровизации, науки и инноваций» выход из этой ловушки в общем и целом связывает с вложениями в коммерциализацию научных разработок. Эту надежду сложно считать обоснованной.

Во-первых, исследования и их коммерциализация действительно важны, однако это, видимо, касается лишь финансируемых частными организациями исследований. Проведённое в 2007 г. исследование Офиса продуктивности и технологий США (часть бюро трудовой статистики США) [Sveikauskas, 2007] показывает, что, если рентабельность частных НИОКР составляет около 25% (а вместе с внешними эффектами 65%), то рентабельность большинства форм государственных инвестиций близка к нулю, включая и эффекты для общества. Отметим, что в данном случае речь идёт о стране с высоким качеством государственного управления, где от госаппарата следовало бы ожидать особенно благоприятных результатов. Причём исследование проведено не внешними критиками, а самим государством. Во-вторых, значительная часть инноваций — а они бывают не только технологическими, но и организационными или маркетинговыми — не связана напрямую с наукой. Как мы видим, применительно к интенсивному росту нужны национальные проекты с другим содержанием, чем имеющиеся.

Эффективность национальных проектов

Стоит также отметить, что для ускорения экономического роста, коль скоро правительственным рычагом является реализация правительственных программ и проектов, требуется повышение качества государственного управления. Весной 2023 г. Высшая аудиторская палата и правительство пришли к выводу о «низком эффекте» семи из девяти национальных проектов. Остающиеся два национальных проекта, включая упомянутый национальный проект «Технологический рывок за счёт цифровизации, науки и инноваций», признаны проектами со «средним эффектом»²⁹. В сентябре 2023 г. все эти проекты были отменены (фактически деятельность прекращается 1 января 2024 г.) постановлением правительства Казахстана.

²⁸ Об инновационной деятельности предприятий РК. 2022. Государственный комитет по статистике Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/6391/file/ru/> (дата обращения: 01.12.2023).

²⁹ Informburo.kz. <https://informburo.kz/novosti/ni-odin-ministr-ne-skazet-cto-nedofinansirovali-7-iz-9-nasproektov-pokazali-nizkuyu-effektivnost-v-kazaxstane> (дата обращения: 01.12.2023).

Характерный пример сложностей с реализации планов — сфера приватизации.

На заседании кабинета министров Республики Казахстан 6 декабря 2022 г., посвящённом реализации Комплексного плана приватизации на период 2021–2025 гг., премьер-министр А. Смаилов вновь подчеркнул стратегическую ориентацию на сокращение государственного присутствия в экономике. Согласно оценкам ОЭСР, доля государства в экономике составляла 30–40% в начале 2010-х гг. Цель — снизить данный показатель до 14% к 2025 г., при этом к 2029 г. этот показатель уже откорректировали до 16%. Эта амбициозная стратегия известна как «вторая волна приватизации».

На практике планы приватизации постоянно пересматриваются и откладываются, иногда значительно. Так, первоначальные планы провести IPO национальной авиакомпании Air Astana, как было отмечено выше, откладывались уже несколько раз. Ещё в 2016 г. власти заявляли о намерении разместить акции этой компании на фондовом рынке, однако этого не произошло. В последующие годы дедлайн переносился на 2017, затем на 2018, 2019 и 2020 гг. Последней датой назывался 2022 г., который также оказался пропущен. В январе 2023 г. президент авиакомпании П. Фостер озвучил уже 2024 г. как новую дату потенциального IPO. Таким образом, несмотря на регулярные подтверждения намерений властей, приватизация Air Astana затягивается уже почти 10 лет.

Схожая ситуация наблюдается и с национальным оператором почтовой связи «Казпочтой». Ещё в предвыборной программе Нурсултана Назарбаева в 2011 г. говорилось о скором размещении акций компании на фондовом рынке. Однако это намерение переносилось из года в год, несмотря на регулярные заверения властей о приверженности планам приватизации «Казпочты». Последней датой назывался 2021 г., который также оказался пропущенным. Начиная с 2022 г. «Казпочта» исчезла из всех планов и документов по приватизации.

Таким образом, имеющиеся у правительства Казахстана инструменты в виде государственных национальных проектов и программ развития для реализации планов экономической политики на среднесрочный период не выглядят надёжными и дающими гарантии достижения поставленных целей.

Выводы

История свидетельствует, что в кратко- и среднесрочной перспективе меры по защите собственности не обязательно способствуют расколу политической элиты на группировки, соперничающие за власть на выборах. Но она же свидетельствует: без механизма защиты собственности благоприятный инвестиционный климат хотя и способен привести к огромным положительным переменам в жизни одного поколения, но имеет мало шансов на достижение процветания период 50-100 и более лет.

Не пытаясь заглянуть в будущее на столь длительный срок, можно без труда найти основания для сдержанного оптимизма относительно перспектив экономического роста Узбекистана и Казахстана. Траектории развития двух стран весьма отличны друг от друга. Смена руководства привела в Казахстане скорее к сохранению политики, уже дающей плоды. В Узбекистане со сменой власти оставлены попытки законсервировать, насколько возможно, советское прошлое, и изменения к лучшему уже заметны. В обоих случаях решающую роль в создании и дальнейшем поддержании возможностей экономического роста играет готовность властей сдерживать порывы к принудительной заботе о населении. Если намерения властей двух стран дать своим гражданам больше возможности самостоятельно позаботиться о себе сохранятся, то ближайшие перспективы их развития не вызывают сомнений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Азретбергенова Г., Сыздыкова А., Кенжегалиева А., Есенали А. (2022). Определяющие факторы прямых иностранных инвестиций в странах Центральной Азии. [Azretbergenova G., Syzdykova A., Kenjegalieva A., Yessenali A. (2022). Determinants of foreign direct investments in Central Asian countries] // *Вестник университета «Туран»*, №4 С. 76–88. DOI: 10.46914/1562-2959-2022-1-4-76-88. (дата обращения: 01.12.2023).
- Квасов А. (1998). *Чилийские экономические реформы: практический опыт и его актуальность для России*. [Kvasov A. (1998). *Chilean economic reforms: practical experience and actuality for Russia*]. — М.: Московский общественный научный фонд.
- Правовые системы стран мира*. (2003) / А. Сухарев (ред.) [Legal systems of the world (2003). / Sukharev A. (ed.)]. — М.: Норма.
- Уильямс С. (2009). *Либеральная реформа при нелиберальном режиме*. [Williams S. (2009). *Liberal Reform in an illiberal Regime*]. — М.: ИРИСЭН-Мысль.
- Яновский К., Маслов Д. (2009). О некоторых свойствах наблюдаемого экономического роста в Китае. [Yanovskiy K., Maslov D. (2009). On some peculiarities of the observed economic growth in China] // *Экономическая политика*. №6. С. 147–163.
- Яновский К., Жаворонков С. (2016). Испытание абсолютной монархии Романовых Мировой войной. Листая Особые журналы [Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2016). The Romanov's Empire World War test. Turning over the Pages of Special Journals of Council of Ministers] // *Общественные науки и современность*. №4. С. 109–119.
- Ashurov S., Othman A.H.A., Rosman R., Haron R. (2020). The determinants of foreign direct investment in Central Asian region: A case study of Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan (A quantitative analysis using GMM) // *Russian Journal of Economics*. Vol. 6. No. 2. Pp. 162–176. DOI: 10.32609/J.RUJE.6.48556.
- 'The Chinese Communist Party in Action: Consolidating Party Rule' (China Policy Series). (2019) / Gore Lance L.P., Yongnian Zheng (eds.).— N.Y.: Routledge.
- Georguiev D.D. (2018). 'Dictator's Shadow: Chinese Elite Politics Under Xi Jinping', *China Perspectives* [Online]. <http://journals.openedition.org/chinaperspectives/7569> (access date: 01.12.2023).
- Easterly W., Levine R. (2002). *It's not factor accumulation: stylized facts and growth models*. — Santiago, Chile: Central Bank of Chile. Vol. 6.
- Friedman M., Friedman R. (1998). *Two Lucky People: Memoirs*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Holcombe, R., Boudreaux C. (2013). Institutional quality and the tenure of autocrats. // *Public Choice*. Vol. 156. No 3/4. Pp. 409–421. DOI: 10.1007/S11127-013-0089-3.
- Kisch G. (1949). *The Jews in Medieval Germany, A Study of their Legal and Social Status*. — Chicago: The University of Chicago Press.
- Kwang H., Fernandez W., Tan S. (1998). *Lee Kuan Yew: The Man and His Ideas*. — Singapore: Times Editions Pte Ltd: The Straits Times Press.
- Lee K. (1998). *The Singapore story: memoirs of Lee Kuan Yew*. — Singapore; New York: Prentice-Hall.
- Lotter F. (1989). The Scope and Effectiveness of Imperial Jewry Law in the High Middle Ages // *Jewish History*. Vol. 4. No. 1 (Spring, 1989). Pp. 31–58.
- Palmer J. (2021). Why China is cracking down on private tutoring // *Foreign Policy*. Jul 28. <https://foreignpolicy.com/2021/07/28/china-private-tutoring-education-regulation-crackdown/> (access date: 20.11.2023).
- Shirk Susan L. (2018). China in Xi's "New Era": The Return to Personalistic Rule // *Journal of Democracy*. Vol. 29. No. 2. Pp. 22–36. <https://journalofdemocracy.org/articles/china-in-xis-new-era-the-return-to-personalistic-rule/> (access date: 01.12.2023).
- Shulgin S., Yanovskiy K. (2013). Institutions, Democracy and Growth in the very Long Run // *Acta Oeconomica*. Vol. 63. Iss. 4. 2013. Pp. 493–510. DOI: 10.1556/AOecon.63.2013.4.5.
- Sveikauskas L. (2007). R&D and Productivity Growth: A Review of the Literature // *Bureau of Labor Statistics*. Working Paper 408. DOI: 10.2139/SSRN.1025563.
- Svolik, M. (2009). Power sharing and leadership dynamics in authoritarian regimes // *American Journal of Political Science*. Vol. 53. Pp. 477–494.
- Yanovskiy M., Socol Y. (2022). Are Lockdowns Effective in Managing Pandemics? // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19 No. 15. Pp. 9295–9306. DOI: 10.3390/IJERPH19159295.
- Yanovskiy M., Ginker T. (2017). A Proposal for a More Objective Measure of De Facto Constitutional Constraints // *Journal of Constitutional Political Economy*. Vol. 28. No. 4. Pp. 311–320. DOI: 10.1007/S10602-017-9242-1.
- Yanovskiy M., Zhavoronkov S., Rodionov K. (2017). Political Factors Behind Cuts and Surges in Government Spending: The Effects on Old Market Democracies and Post-Communist Countries // *Problems of economic Transition*. Vol. 59. No. 4. Pp. 294–320. DOI: 10.1080/10611991.2017.1321418.
- Yanovskiy M., Zhavoronkov S. (2018). Universal Suffrage: The Century of Corrupting Incentives? // *New Perspectives on Political Economy*. Vol. 14. No. 1–2. Pp. 63–89.
- Yormirzoev M. (2022). Economic growth and productivity performance in Central Asia // *Comparative economic studies*. Vol. 64. No. 3. Pp. 520–539.

Жаворонков Сергей Владимирович

dvr.registratio2012@gmail.com

Новиков Вадим Витальевич

vadim.v.novikov@gmail.com

Sergei Zhavoronkov

Independent researcher

dvr.registratio2012@gmail.com

Vadim Novikov

Almaty Management University (AlmaU), assistant professor

vadim.v.novikov@gmail.com

NEW CASES OF ECONOMIC LIBERALIZATION UNDER AN ILLIBERAL REGIME: FROM RECENT ECONOMIC HISTORY OF UZBEKISTAN AND KAZAKHSTAN

Abstract. Governments unencumbered by fear of elections often find it more manageable to implement liberal economic reforms than their democratically elected counterparts. The success of these reforms contributes to the broadening and solidifying of support within society. However, the endurance of reform outcomes and the safeguards provided to private owners and businesses can sometimes prove less resilient over the long term. Such guarantees may face challenges, particularly during changes in leadership, be it under dynastic rule or, especially, other forms of power transitions.

The durability of reforms implemented in Uzbekistan and Kazakhstan remains to be seen over time. Nevertheless, the attained results and immediate prospects evoke a sense of cautious optimism, promising potential positive outcomes for the future.

Keywords: *Economic reforms, Economic Growth, private property safeguards, power transition.*

JEL: D78, N15, N85, P26.